

Чай Цзыжань, обнажив ряд белых зубов, зловеще усмехнулся: «Само собой». Подняв плеть, он трижды ударил её. Хотя всё живое дорожит жизнью, а она кормилась своей красотой, Чай Цзыжань не стал хлестать её по лицу. И всё же рука Гу Юю горела огнём, и она недовольно процедила: «Ты же обещал бить легче!»

Чай Цзыжань по-прежнему улыбался во весь рот: «Все равны. Хоть ты и из публичного дома, исключений не будет!»

На лице Гу Юю застыла улыбка, но ноги сами понесли её в сторону, а в душе она проклинала предков Чай Цзыжана до седьмого колена.

Увидев, как нескольким смельчакам досталось на орехи, остальные, хотя они того или нет, прикусили язык. Их взгляды, полные яда, впелись в Чай Цзыжана, а после порки они покорно отходили в сторонку, мечтая по возвращении домой сжечь ему побольше погребальных денег — чтобы поскорее отправился в лучший мир.

Такая покорная очередь желающих получить плетью, выстроившаяся в ряд, очень обрадовала Чай Цзыжана. Он отхлестал с десятков человек, пока не покрылся потом, словно после тяжёлой работы в поле. Вытерев лоб красным рукавом, он плюхнулся на землю и закричал: «Устал! Устал! Устал же я!»

Получившие взбучку не отрывали от него глаз, их ненавидящие взгляды жаждали живьём содрать с него кожу. Даже такому толстокожему, как Чай Цзыжань, стало не по себе под пристальными взорами. Он подбежал и спрятался за спину Мо Цзюцзюня, время от времени выглядывая — не исчезли ли те страшные глаза.

Его голова вертелась за спиной Мо Цзюцзюня, а взгляды следовали за ней. В конце концов он не выдержал и выпрямился: «Что вы уставились на меня? Это господин Цзюцзюнь велел мне вас бить. Ищите виноватого!» За спиной Мо Цзюцзюня Чай Цзыжань обеими руками указал на его голову, давая всем этим подлым трусам понять, кто истинный зачинщик и кому следует мстить.

Все молчали, лишь не отрываясь смотрели на него.

У Чай Цзыжана зачесалась голова. Мо Цзюцзюнь потянул его к себе, усадил рядом и налил чашку крепкого чая. Аромат разлился в воздухе. Чай Цзыжань не удержался и отхлебнул немного: «Хорошо-хорошо, славный чай!»

Едва слова слетели с его губ, как те же взгляды вновь дружно уставились на него. Хотя чай и благоухал, Чай Цзыжань был не из тех, кто умеет отрешиться от мира, и посторонние вещи легко сбивали его настроение. Он с сожалением медленно поставил чашку.

Холодный взгляд Мо Цзюцзюня скользнул по выстроившимся перед ним людям. Мужчины, женщины, старики, дети — все знакомые лица. Уголок его рта тронула насмешливая улыбка: «Знаю, вы всегда мнили себя изящными, чистыми и гордыми, гнушались общаться с такой грязью, как Ажань, и считали за удовольствие уколоть его словечком. Сегодня я объявляю: Чай Цзыжань — мой самый близкий друг, товарищ с молодых ногтей. Кто посмеет его тронуть...» Спокойные глаза покрылись инеем: «Не пеняйте на меня». Он отпил глоток ароматного чая, проигнорировав все недоумённые взгляды, и бросил: «Расходитесь».

Большинство «приглашённых», ошеломлённые чередой событий, покорно поплелись за охраной Мо Цзюцзюня, будто бездушные марионетки. Лишь Жун Лин, задумчиво взглянув на принцессу Цинлань Фэн Сяосяо, с ужасом уставился на пса Чая.

Чай Цзыжань, склонившись над чаем, не заметил его испуганного взгляда. Зато Мо Цзюцзюнь рядом холодно посмотрел на Жун Лина, и в глазах его мелькнула вспышка гнева.

Жун Лин вздрогнул. Получив больше всех ударов и будучи тяжелее всех ранен, он отставал. Дюжий стражник схватил его за воротник и поволок. Даже уносимый прочь, он не сводил глаз с Чай Цзыжана, словно обнаружил невероятную тайну.

Он смотрит на Чай Цзыжана, а Мо Цзюцзюнь... разозлился!!!

Чай Цзыжань изо всех сил старался погрузиться в чаепитие, отрешившись от всего вокруг, и наконец допил чашку. Освежённый, он с удивлением обнаружил, что все докучливые лица исчезли, и вопросительно взглянул на Мо Цзюцзюня. Неужели тот мстил не за «укус», а специально собрал всех его врагов, чтобы заявить: «Чай Цзыжань — мой человек»?

Чай Цзыжань поразмыслил и счёл это маловероятным. Наверное, Мо Цзюцзюнь просто сказал это для проформы, чтобы он не таил на него зла. В конце концов, все эти люди теперь списали побои на его счёт. Что бы Мо Цзюцзюнь ни делал, они всё равно будут мстить ему, готовясь как следует проучить.

Чай Цзыжань откашлялся и нарочито завёл беседу: «Твоё слово „с молодых ногтей“ тут не совсем уместно, мы оба мужчины. Хоть я и люблю вернуть его для пущей близости, так ведь только оттого, что мало книг читал. Ты-то начитан, тебе бы следовало подобрать другое слово, для дружбы меж мужчинами...»

Не дав ему договорить, Мо Цзюцзюнь нетерпеливо нахмурился: «Мало читал, а судишь как старая перечница».

Услышав это, Чай Цзыжань тут же заткнулся.

Глубокой ночью, под сенью яркой луны, трактир «Дымка и дождь» ломился от посетителей. Мало кто заметил, как из него вышел пригожий юноша в одежде слуги, почтительно прикрыв шляпу. Его круглые глаза забегали, но, почувствовав на лице тёплое дуновение весеннего ветерка, он немного успокоился.

В этот момент рядом раздался грубый голос, заставивший его вздрогнуть. Тот сказал: «Почему этот пёс Чай до сих пор не вылез? Уж полночь на дворе».

Юноша в одежде слуги вздрогнул всем телом и мысленно выругался: «Цзинь Синь, ты, собака, сам в третью стражу торчишь у чужих дверей, а я, значит, не могу выйти?» Он тихонько вдохнул, и как раз в этот момент порыв ветра ворвался ему в горло. Освежившись, он обрёл и смелость. Взгляд, устремившийся на звук, выхватил нежно-розовое платье. Прекрасная девушка, чьё личико наполовину скрывали распущенные волосы, с двумя маленькими сливами-серёжками, свисающими до ушей, выглядела изящно и воздушно.

Чай Цзыжань с досадой уставился на розовое платье и с горечью пожалел, что днём, пожалев её как хрупкий цветок, проявил снисхождение. Напрасно! «Лань Чучу, стерва, вылитый братец, — подумал он. — Ещё мнит себя благородной, как цветущая слива, тьфу, бесстыдница».

И точно, бесстыдница изрекла с важным видом: «Цзинь Синь, ты же человек порядочный, что же постоянно сравниваешь пса Чая с обычными людьми?»

Фань Вэньвэнь подхватил с улыбкой: «Верно, брат Цзинь, тут ты неправ». Затем повернулся к Лань Чучу: «Лишь госпожа Чучу так проникательна».

Лань Чучу, уже прославившаяся своей язвительностью среди столичных чиновников, не преминула съязвить: «Фань Вэньвэнь, ты ведь всего-навсего сынок из конторы «Драконий эскорт». В лучшем случае — поставщик двора, в худшем — простой обыватель. Мать Фэн Сяосяо — вторая сестра императора, хоть и от наложницы, и она не столь знатна, как Великая старшая принцесса, но у императора всего две сестры. Как ты думаешь, Фэн Сяосяо выйдет за тебя? Лягушка, мечтающая о лебедином мясе...»

«Младшая сестра, замолчи!» — мрачно оборвал её Лань Чуфу, сидевший на ступенях. Лань Чучу, хоть и презирала Фань Вэньвэня, вынуждена была заткнуться, покорно усевшись рядом и бормоча проклятия в адрес Чай Цзыжана, заставившего её ждать до полуночи.

Чай Цзыжань, притаившись в сторонке, наблюдал, как они грызутся, с наслаждением слушая, как Лань Чучу поливает его грязью. Услышав же окрик Лань Чуфу, этого подлого пса, настроение его подпортилось. Но острый слух уловил, как Лань Чучу ворчит, что он всё не выходит, и снова стало весело.

Стерва, я тебя не звал, сама припёрлась, так что не ной! Ждите дальше!

Чай Цзыжань, боясь, что радостный вопль привлечёт внимание, сдержал желание громко закричать «ура!». Он тихонько отступил на пару шагов и услышал, как Лань Чуфу говорит Фань Вэньвэню: «Прошу прощения, господин Вэньвэнь, сестрёнка с детства избалована и высокомерна. Приношу за неё извинения».

Фань Вэньвэнь улыбнулся: «Пустяки, пустяки. Госпожа Чучу высказала справедливые слова».

<http://bllate.org/book/15931/1423842>